

Для цитирования: Борисов С. В. О философском молчании... (запись беседы Герда Ахенбаха с участниками 15-й международной конференции по философской практике) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 135—139.

УДК 128 + 141.3 + 159.9.01

О ФИЛОСОФСКОМ МОЛЧАНИИ... (ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ГЕРДА АХЕНБАХА С УЧАСТНИКАМИ 15-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ)¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательски
университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой краткое изложение основных идей немецкого философа Герда Ахенбаха, записанных автором на его занятиях, которые проходили с 22 по 24 июня 2018 г. в рамках 15-й Международной конференции по философской практике в Мехико (Мексика). Ахенбах рассказывает об особенностях философского консультирования, о методах и формах его проведения на примере работы с одним из своих клиентов.

Ключевые понятия:
философская практика,
философское консультирование,
экзистенциальная психотерапия,
помогающие практики.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758. 2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Немецкого философа Герда Ахенбаха считают основателем движения философской практики. Он признанный авторитет в области философского консультирования, автор множества статей и книг, посвященных различным аспектам философской практики. Ахенбах — основатель «Международного общества философской практики» (IGPP), член Научно-консультативного совета «Общества изучения и поощрения прикладной философии», руководитель магистерской программы по направлению «философ-консультант» Венского университета (Австрия).

С 22 по 24 июня 2018 г. Герд Ахенбах проводил занятия в качестве приглашенного лектора с участниками 15-й международной конференции по философской практике в Мексике. Данная статья представляет собой краткое изложение основных идей Ахенбаха, высказанных в ходе занятий.

Герд Ахенбах ведет беседу, комментируя один случай из его консультационной практики. Он рассказывает об одном молодом человеке, который пережил попытку суицида. Согласно законодательству Германии, ему в обязательном порядке должна быть оказана психологическая помощь, поэтому этот молодой человек направляется к нескольким психотерапевтам. Консультации психотерапевтов не принесли желаемого результата. В итоге он появился на приеме у Ахенбаха. Как выяснилось впоследствии, только философская терапия оказала ему действительно серьезную помощь. Это был весьма талантливый молодой человек. На тот момент — поклонник радикальной философии Макса Штирнера, и когда Ахенбах предложил ему познакомиться с работами других философов, молодой человек понял, что он не одинок в своих взглядах и в них нет ничего странного. «Это способствовало взаимопониманию, — рассказывает Ахенбах, — мы обсуждали книгу за книгой. Так постепенно этот юноша, думая о своем неудавшемся самоубийстве, познакомился с целой философской библиотекой». Когда этот клиент пришел на консультацию к Ахенбаху, ему было 16. Общение длилось более трех лет. Ныне он доцент философии, философское консультирование дало ему неплохую теоретическую подготовку для будущей профессии. «Однако все это проявилось со временем, а в самом начале перед нами стояла очень серьезная и, казалось, неразрешимая проблема», — вспоминает Ахенбах.

Самой трудной в философском консультировании является первая встреча. Нужно научиться формулировать «правильные»

вопросы, которые и определяют характер дальнейшей беседы. Именно специфика вопросов отличает философское консультирование от психотерапии. Причем это не каузальные «почему-вопросы», а вопросы целевые, ценностные: «во имя чего», «для чего». Именно такая постановка вопросов может направить на понимание жизненных смыслов. Например, вспоминая конференцию психотерапевтов в Литве, куда Ахенбах был приглашен в качестве лектора, он рассказывает, как его поразило выступление одного весьма амбициозного психотерапевта и его прагматичный подход к делу. «Для психолога главное — дать четкое определение проблеме клиента, — говорит Ахенбах. — Однако это очень узкое понимание терапии. Важны не ответы психолога, а вопросы, исходящие от клиента и консультанта. Важен диалог, чтобы был выработан совместный путь анализа проблемы. На этом пути философ-консультант и клиент равноправны».

Возвращаясь к истории с юношей, Ахенбах отмечает, что молодой человек был из интеллигентной семьи преподавателей, занимавшихся этим ремеслом не одно поколение. Все они для юноши были непререкаемыми авторитетами. Однако в семье не было душевной теплоты, каждый жил изолированно, родители практически не общались ни с сыном, ни друг с другом. В школе у него тоже не было никакого душевного контакта ни с учителями, ни со сверстниками. Главным увлечением юноши было только чтение и игра на фортепиано. За время своей молодой уединенной жизни он изучил много языков и даже читал книги на языке оригинала. «Конечно, ему было, что рассказать о себе, — отмечает Ахенбах, — но ни дома, ни в школе его никто не слушал. Поэтому он решил молчать. Молчание стало привычным состоянием его жизни и его основным отношением к ней».

Ахенбах обращается к протоколу консультаций. «Ведя протокол, — поясняет он, — важно быть внимательным к любой мелочи, чтобы не пропустить ни одного поворота беседы, каждый момент может оказаться ключевым. Если сначала говорить, а потом записывать, можно потерять с клиентом контакт. Поэтому с годами я натренировал навык вести протокол беседы и при этом не отрывая взгляда от клиента. Каждая консультация для меня — это учеба. Я учусь понимать, о чем думает клиент».

Итак, юношу зовут Франц. Ахенбах подчеркивает, что с самой первой минуты общения с Францем для него было боль-

шим испытанием, но делом чрезвычайной важности, установить с ним контакт, преодолеть конфронтацию. Было важно завоевать уважение и расположение Франца. Первое время Ахенбах говорит с ним о его взаимоотношениях с матерью. «Мы иногда целыми днями не говорим друг другу ни слова», — был ответ. Ахенбах пытается прояснить отношение Франца к другим людям. «Он демонизирует людей, — делает вывод Ахенбах, — считает, что все они больны. Его совсем не интересует повседневная жизнь и пустые разговоры, он живет в мире глубоких мыслей, почерпнутых из философской литературы. Однако делиться своими мыслями с кем-либо — большое испытание для него». В ходе консультации становится ясно, что Франц преодолел свою настороженность по отношению к Ахенбаху и пытается понять мотивы его интереса к нему. Когда разговор зашел о музыке, Франц признался, что его всегда завораживала и восхищала музыка Прокофьева. Ахенбах не разделяет его восхищения, но, понимая важность этого ключевого момента беседы, переводит разговор на более понятную и близкую для него литературную тему и интуитивно находит аналогию между этой сложной музыкой и романом Томаса Манна «Доктор Фаустус». Данный тактический ход принес плоды. Оказалось, что этот роман стал любимой книгой Франца. Роман имеет интересную сложную композицию. Ахенбаху удалось почувствовать глубокую связь этого романа с музыкой, которая увлекала Франца. Как для романа, так и для этой музыки характерны резкие перепады, контрасты, переходы от высокого к низкому. Кульминацией этих произведений являются внезапные моменты полной тишины, резкого прерывания звучания или повествования. В контексте ситуации Франца полное молчание — это оппозиция тому аду, в котором он существовал. Однако намек Ахенбаха на это сначала не был воспринят Францем. «Пока мне нечего на это сказать», — был ответ.

Франца всецело захватило чтение романа Манна. Он перестал ходить в школу. Через некоторое время мать Франца забила тревогу, но когда она попыталась выяснить, что думают о ее сыне в школе, то была поражена, так как все учителя в один голос заявили, что у юноши явные «проблемы с головой». После чтения романа Франц первым пошел на контакт с Ахенбахом. «Он позвонил мне, — вспоминает Ахенбах, — и произнес всего лишь одну фразу: “Я думал о том, что вы сказали мне, господин Ахен-

бах, и это изменило мой взгляд на мир”». Что же это было? Возможно, угнетенный и растерянный человек, каким был Франц, перестал чувствовать себя угнетенным и растерянным?

Все вокруг были против упорного молчания Франца. Они думали и говорили об этом все, что угодно, но никто не чувствовал отношение самого Франца к своему молчанию. Никто и не принимал Франца таким, каков он есть. Учителя в школе не давали ему право на молчание, но все, что он говорил, объявляли заумью или сумасшествием. «Даже мне, его консультанту, — отмечает Ахенбах, — не сразу, а лишь со временем удалось понять, что значило для него это молчание».

Молчание давало Францу возможность концентрироваться на своих мыслях. На последующих сессиях между Ахенбахом и Францем шел разговор о том, как научиться смотреть на мир глазами другого человека. «Важно не то, что ты делаешь, а то, что ты думаешь об этом, каковы твои намерения, — поясняет Ахенбах. — Для философской практики также важно не делать что-то для человека, а понять и принять его. Если в “Тезисах о Фейербахе” Маркс писал, что философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, то в отношении философской практики все как раз наоборот. Важно не изменить мир клиента, а научиться понимать его мир. Принимать клиента таким, каков он есть, выстраивать с ним конструктивное общение».

Психология успешно решает проблемы адаптации, она сфокусирована на этом. «Фокус — это центр, — отмечает Ахенбах. — Для психологии важен центр, а не периферия. Любая проблема подлежит такой центровке. Для философии не важна проблема сама по себе и почему она возникла. Для философии важен ее смысл». Ахенбах ссылается на Х. Арндт, которая предлагает уйти в глубину жизни и работать с этой глубиной. Для нее интересно не движение наружу (от настоящего момента к смерти), а движение вглубь (от настоящего момента к рождению). В таком контексте это совсем не проблема адаптации, это более глубокая проблема жизненных смыслов. Например, поясняет Ахенбах, Франц полагал, что он «убийца» матери, поскольку его увлекало то, что не принимала его мать. Настаивая на своем, он «убивал» свою мать. Мы можем также вспомнить А. Шопенгауэра, поведение и даже философию которого можно также интерпретировать через фиксацию на

символическом «убийстве» матери. Но что это дает для философской практики? Мысль о том, что «жизнь жива потому, что уничтожает другую жизнь», весьма банальна. Фокусировка на проблеме — это предмет психологии, для философской практики необходим другой путь.

Ахенбах рассказывает о важности состояний инсайта, которые могут быть достигнуты в ходе консультирования. Инсайт может быть как позитивным, так и негативным. Негативный инсайт, поясняет Ахенбах, как материал для философской практики является отражением борьбы индивида с внешним миром. Ахенбах ссылается на концепции инсайта, связанные с исследованием головного мозга и его функций. Есть инсайты, которые способны изменить привычные мыслительные схемы. Например, есть простые и привычные мысли о том, что добрые люди должны быть добры, а злые — злы. Однако только в контексте инсайта мы в состоянии нарушить эту банальную схему и прийти к пониманию, что не все злые люди злы, а добрые добры. Для этого в сознании должна произойти своего рода мировоззренческая революция.

Ахенбах возвращается к истории с Францем. Во время своего молчаливого уединения Франц наверняка пережил множество инсайтов. На очередной консультации Ахенбах пытается подтолкнуть его к новому инсайту следующим заявлением: «Если тебя не будут понимать люди, то, возможно, ты перестанешь понимать самого себя».

В молчании самом по себе нет ничего необычного. Однако смыслы этого молчания, согласно Ахенбаху, могут быть разными: или ты просто молчишь, или ты «хранишь молчание». Так в чем же корни этого желания «хранить молчание»? «Пребывая в сосредоточенном молчании, — отмечает Ахенбах, — человек наиболее продуктивно мыслит и чувствует. Это состояние может длиться, как длится музыка, которую не хочется прерывать. Поэтому проблема не в установлении причины молчания и не в способах его прерывания. Проблема в том, как поделиться этим бесценным опытом».

Молчание открывало для Франца новые перспективы мышления, однако он не мог рассуждать об этом. Ахенбах предложил ему поэкспериментировать, взяв за основу рассказа о себе сюжеты из художественных произведений, отождествляя себя с их персонажами, говоря о себе в третьем лице, чтобы понять, что значит смотреть на себя со стороны. Использовался роман Германа Мелвилла «Моби Дик». «“Представь,

что герой романа (капитан Ахав) — это ты и пусть он говорит о том, что происходит в его молчании». Благодаря этому эксперименту Франц начал лучше осознавать себя, он получил возможность объяснять свое душевное состояние, проецируя его на мысли и поступки героя романа. Это все равно что смотреть художественный фильм, отождествлять себя с его героем, делать все, что делает он, только при этом производить рефлексию над его состоянием, мыслями, поступками», — рассказывает Ахенбах.

Еще один прием. Ахенбах говорит Францу о том, что есть люди, которые откладывают какие-то важные мысли или решения на потом, например, на завтра. Однако они не забывают об этом. Во время ночного безмолвия и покоя мысль становится более глубокой, а решение более взвешенным. Ночь как водный поток, струящийся по камням. Ахенбах отмечает, что это скрытое движение мысли всегда присутствует у Франца, оно помогает ему определиться со своими поступками. Однако чем дольше Франц хранит молчание, тем сильнее блокируется его речь, так как в молчании происходят гораздо более значительные вещи, чем те, которые можно выразить словами. Это как в прекрасных сонатах Шуберта, когда всего лишь один мимолетный, но проникновенный звук может оказать сказочное влияние на все произведение и оставить в памяти глубокий след.

Ахенбах продолжает свой рассказ. По сути, молчание Франца длилось несколько лет. И вот теперь он чувствовал себя майским жуком, который расправил крылья и вот-вот готов взлететь. Франц испытывает вполне понятные опасения, ведь то, что он может сказать, будет совсем не похоже на то, что обычно говорят другие. Ирония в том, что то, что для него понятно и очевидно, он не может сделать таким же понятным и очевидным для других. Например, он с восхищением говорит об очень сложном философском трактате Шеллинга, который он позаимствовал из библиотеки своего деда. Франц очарован этой книгой, он читает ее предложение за предложением и чувствует, что это пишет не Шеллинг, а это его собственные слова и мысли, созревшие в его молчании.

Начиная с самой первой встречи Ахенбах сразу обратил внимание на скованность движений Франца. Впоследствии Ахенбах научился понимать этот своеобразный «язык» его тела. «По мере того, как усиливалась скованность его движений и поз, — отмечает Ахенбах, — я делал вывод, что в

эти моменты он говорит о чем-то очень важном. Франц называл себя эмигрантом, который ничего не понимает в этом мире. Действительно, это «непонимание» отражало его тело, жесты, мимика (растерянная улыбка). Нельзя было понять, то ли он говорит о чем-то в шутку, то ли всерьез. Зачастую его тело говорило одно, а речь — совсем другое».

Ахенбах рассказывает еще об одном приеме, который он использует в философском консультировании — это анализ сюжета детских сказок. Например, сказка о принцессе, уколочейся веретеном и погрузившейся в волшебный сон вместе со всеми, кто был с ней во дворце. «И вот является принц, — говорит Ахенбах, — (это Франц), и у него две альтернативы: 1) вмешаться в ситуацию или 2) отставить все как есть, бродить по заколдованному замку, разглядывать все вокруг и хранить молчание. Стоит ли вообще преобразовывать свои мысли в действие? Но и для принцессы (это я) есть тоже две альтернативы: 1) пробудиться от поцелуя принца (воспринимать клиента всерьез, понимать его мир) или 2) продолжать ожидать кого-то другого (игнорируя клиента или вмешиваясь в его мир с целью корректировки). Предпринимать что-либо или ничего не предпринимать? Эта проблема рано или поздно всегда возникает в ходе консультирования». Возьмем другую сказку — «Красавица и чудовище». Если Франц — заколдованный принц в облике монстра, то 1) поцелуй принцессы (понимающего Другого, Ахенбаха) развеет злые чары, однако 2) это подчеркивает зависимость принца (Франца) от мнения других людей, которые видят в нем только монстра и заставляют его верить в это.

Ахенбах считает, что анализ жизненной истории (как сюжета) очень важен для консультирования. Он важен как для консультанта, так и для клиента. Например, Томас Манн, работая над романом «Иосиф и его братья», прежде чем понять, чем же должен закончиться роман, сделал подробный анализ написанного, и тогда ему стал ясен финал. То же самое можно отнести к процессу консультирования. Например, Франц вспоминает о том, как трудно ему было вначале овладеть игрой на фортепиано. Его движения были скованны, как у робота. Но потом появилась спонтанность, и закрепощенность ушла. Ахенбах стал говорить с Францем о спонтанности, предложил подобрать для описания этого состояния нужные слова. Ахенбах отмечает: «Франц много думает о словах других людей, но он не имеет о них собственного мнения, потому что считает людей глупыми. Он не может состыковать

ясность и понимание слов и мыслей со спонтанностью действий. Франц не может говорить о словах других людей, потому что процесс говорения лишает его этой спонтанности (творческого душевного настроения). Он не может высказывать критические замечания в адрес других людей, потому что видит в этом проявление собственного тщеславия». Этот поворот разговора дал повод поговорить о тщеславии. Ахенбах отметил, что, согласно Гегелю, данное понятие имеет два смысла: 1) чрезмерная гордость или 2) склонность к украшательству. Францу понравилась эта дефиниция, поскольку он сам был подвержен этой склонности (это было видно по стилю его одежды, по ее подчеркнутой аккуратности и чистоте). Ахенбах замечает, что в этом и особенность философской практики — «понимать не Гегеля, а себя посредством Гегеля».

Ахенбах вспоминает, что на последней сессии Франц поделился скептическим инсайтом: «Если мы что-либо теряем, то каким образом осознаем эту потерю? Вдруг это что-то важное для нас, но, может быть, окажется, что это совсем не важно. Можно сомневаться в этом, но никогда не нужно заботиться о том, что потерял». У Франца все мысли были о высоком и значительном, что требовало глубоких раздумий. Поэтому на вопросы людей ему просто не было времени давать ответы, все время поглощали его мысли. Во-первых, ему не нравилось само напряжение, вызываемое ситуацией, когда нужно давать ответ. Во-вторых, его останавливала сложность ответа. Вопросы вторгались в его жизненное пространство и требовали изменения привычного стиля жизни. Решение этой проблемы Франц нашел в одной из книг Кьеркегора, где автор проводит различие между стремлением к истине и хранением истины в себе. Франц был впечатлен тем, что он сам как субъект, «хранитель истины» может иметь такое высокое значение. Потеря прежнего состояния молчания уже не страшила его, поскольку он уже не чувствовал, что вместе с этим состоянием он теряет себя.

Так через потерю себя прежнего мы обретаем себя настоящего.

For citing: Borisov S.V.

On philosophical silence...
(transcript of the conversation of Gerd B. Achenbach with the participants of the XV International conference on philosophical practice) // *Socium i vlast'*. 2018. № 4 (72). P. 135—139.

UDC 128 + 141.3 + 159.9.01

ON PHILOSOPHICAL SILENCE... (TRANSCRIPT OF THE CONVERSATION OF GERD B. ACHENBACH WITH THE PARTICIPANTS OF THE XV INTERNATIONAL CONFERENCE ON PHILOSOPHICAL PRACTICE)

Sergey V. Borisov,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Annotation

The article presents the summary of fundamental concepts of the German philosopher Gerd B. Achenbach, recorded by the author at his lectures which took place 22-24 June, 2018 in the framework of the XV International conference on philosophical practice in Mexico City (Mexico). Achenbach tells about peculiarities of philosophical counseling, about methods and forms of its realization as exemplified by the work with one of his clients.

Key concepts:

philosophical practice,
philosophical counseling,
existential psychotherapy,
ministrant practices.